АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Э. С. СМИРНОВА

Об одном литературном сюжете в живописи конца XVI в.

Одна из характерных черт русской живописи XVI столетия — появление огромного количества новых сюжетов, которые либо совсем не были известны искусству предшествующего периода, либо разрабатывались весьма скупо. Среди тех новшеств, которые принес искусству XVI век, это обогащение иконографии является одним из самых важных. Притчи и иносказания, апокрифы и легенды, символы и аллегории, сцены Ветхого завета и Апокалипсиса, история сотворения мира и Страшный суд с невиданным до той поры размахом отображаются в настенных росписях и иконах этого времени. Возникает множество житийных икон, что, несомненно, находится в связи с расцветом агиографической литературы.

Как новые сюжеты, так и ранее встречавшиеся в искусстве передаются в живописи XVI в. чрезвычайно развернуто и подробно, с большой наглядностью. Эту иллюстративность, стремление к тщательной и детальной передаче изображаемого сюжета необходимо поставить в связь с присущей литературному стилю той поры повествовательностью. Отмеченная особенность сказывается не только в стремлении передать языком живописи сложную богословско-догматическую символику (примером чего служат «Четырехчастная» икона московского Благовещенского собора, икона «Церковь воинствующая» и другие памятники), но и в обильном введении жанровых сцен, бытовых эпизодов, придающих конкретный, реальный, жизненный характер изображаемым событиям.

Особенно богаты такими эпизодами житийные иконы. Сами жития представляли обильный материал для создания подобных сцен. Кроме того, в расположенных на полях мелких «деяниях», обрамляющих центральное изображение и играющих по сравнению с ним второстепенную роль, художник был более свободен в использовании своей наблюдательности. Это отмечено и иконописными подлинниками. В одном из них, Большаковском, относящемся к XVII в., говорится, что иконописцу «не подобает, кроме святых воображений, ничто же начертывати, рекше воображати, еже есть на глумление человеком, ни зверска образа, ни змиева, ниже что от плежющих (пресмыкающихся) или рода гмышевска, кроме где-либо в прилучшихся деяниях, яко же есть удобно и подобно».[1]

Сопоставляя изображение жития в иконе с соответствующим литературным памятником, послужившим иконописцу сюжетной канвой, можно заметить наличие определенного замысла художника, подчеркивавшего те или иные стороны литературной основы. В этом отношении особенно инте-

[1] Ф. И. Буслаев. Общие понятия о русской иконописи. — Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866, стр. 23.